

ВИДЕТЬ СЕБЯ СО СТОРОНЫ...

— Ваша биография за последние годы стала известна каждому, кто интересуется искусством. Расскажите, пожалуйста, о том периоде, что предшествовал выходу на экраны в 1986 году фильма Ф. Довлатяна «Здравствуй, это я!», открывшего вас для многих кинозрителей.

— Биография у меня самая заурядная, обычная для людей моей профессии. Средняя школа, Ереванский художественно-театральный институт, работа на сцене театра русской драмы имени К. Станиславского в Ереване, съемки в кино. Первые фильмы «Обвал», «Воды поднимаются», «Перед восходом» были скорее технической подготовкой к съемкам, чем серьезными работами... Потом переезд в Москву, работа в театре имени Ленинского комсомола и с 1969 года — в театре имени Маяковского. Роль Артема в фильме «Здравствуй, это я!» стала для меня этапной. Мой герой — представитель одной из самых популярных профессий XX века. Он — физик, талантливый ученый-исследователь, беззаветно преданный своему делу. В личной жизни он тоже образец бескомпромиссности, нравственной чистоты. Его первая любовь — Люся — погибает на фронте. Артем всю жизнь верен ее памяти.

— В какой-то мере именно роль Артема определила два основных амплуа, в которых вас стали снимать многие режиссеры. Создается впечатление, что если в сценарии есть образ, в котором сосредоточены такие черты, как мужественность, сдержанность, воля и, главное, умение хранить верность, — приглашают Джигарханяна, к сожалению, иногда пытаюсь заполнить вашей актерской индивидуальностью пробелы в драматургическом материале. Например, в фильмах «Старые стены», «Журавушка». «Расскажите мне о себе и многих других вы «спасаете» лирическую линию фильма, то есть самое слабое его место. Но целесообразно ли вообще спасать плохие сценарии?

— Фильм, пока его нет, никто не решится назвать плохим или хорошим, ведь даже отдельные отлично сыгранные и снятые сцены не есть еще кино, секрет которого, как вообще секрет любого вида искусства, трудно постижим. Сколько раз бывало в моей жизни, что по слабым сценариям выходили отличные фильмы и наоборот... А снимаюсь я много, потому что это моя работа. «Хобби» у меня нет, пропускать без дела не умею. Кроме того, убежден, что ролей, совсем ничего не дающих актеру, — нет и что ежедневный тренаж необходим. И именно на съемочной площадке, пе-

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Армен Джигарханян — один из самых популярных актеров советского кино. Трудно найти человека, который не знал бы его хотя бы по одной роли. Артем в «Здравствуй, это я!», Стишлой в «Журавушке», Костомаров в «Эхе далеких снегов». В телевизионном фильме «Операция «Трест» он сыграл Артузова, в «Двадцать лет спустя» — д'Артаньяна... Большинство героев Джигарханяна — люди волевые, мужественные, удивительно полнокровные и жизненные. В последнее время мы узнали еще об одной стороне дарования артиста — его умении создавать комедийные, острохарактерные роли. Например, в фильмах «Невеста с севера» и «Здравствуйте, я ваша тетя».

На сцене Московского ордена Трудового Красного Знамени академического театра имени Маяковского, гастроли которого с успехом завершаются в Киеве, народный артист РСФСР и заслуженный артист Армянской ССР Армен Джигарханян исполняет ведущие роли. Наиболее значительные из них — Левинсон в инсценизации «Разгрома» А. Фадеева, Старосельский в «Проводах» И. Дворецкого, Стэнли Ковальский в «Трамвае «Желание» Т. Уильямса, Сократ в «Беседах с Сократом» Э. Радзинского. Мы предлагаем вашему вниманию диалог корреспондента «Комсомольского знамени» Т. САТАЕВОЙ с этим известным мастером театра и кино.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

ред бесстрастным оком камеры... Ведь это совсем не то, что игра в театре, перед живым и чутким залом. Иначе можно оказаться технически не готовым к самой своей большой, «заветной» роли, если ее тебе когда-нибудь предложат.

— Какие из своих работ вы считаете удавшимися, наиболее любимыми?

— Если говорить о кино, роль Артема в фильме Ф. Довлатяна «Здравствуй, это я!», Костомарова из «Эха далеких снегов» Л. Головини, последнюю свою работу — роль старика Левона Погосяна в фильме Э. Кеосаяна «Когда наступает сентябрь». Почему именно эти образы? Трудно сказать... Вообще, чтобы сыграть любую роль, мне необходимо прежде всего выстроить свои взаимоотношения с новым своим героем, оттолкнуться от собственного жизненного опыта, духовного багажа. Например, играя в театре Левинсона, я помню всег-

да, что он как личность намного крупнее меня. Такие люди, умевшие вести за собой народ, вызывают у меня, как и у всех советских людей, чувство восхищения, благоговения. Почему я люблю, например, Кирилла Костомарова? Потому что именно таким я всегда мечтал быть. Кирилл — начальник геологической экспедиции, он человек невероятно цельный, бескомпромиссный и принципиальный во всех жизненных вопросах, это натура страстная и могучая. Он дорог мне, как и весь фильм. Но, говоря о любимых ролях, хотел бы перефразировать слова поэта Роберта Рождественского, который на вопрос, какое свое стихотворение он считает лучшим, ответил: «То, что пишу сейчас». Это вполне характеризует и мое отношение к моим работам в театре и кино. Сейчас я, например, поглощен ролью Сократа в спектакле нашего театра «Беседы с Сократом». Если говорить о моих человеческих взаимоотношениях с ним (я вовсе не собираюсь сравнивать себя с одним из величайших гениев мировой культуры), то Сократ близок мне гуманизмом, могучим чувством юмора, умением видеть вещи и явления объемно, я преклоняюсь перед его высоким духом, его «олимпийской» ясностью.

О новых работах. Только что закончил работу в болгарском фильме «Эта маленькая земля», который поставили режиссеры Ирина и Христо Писков по одноименной пьесе Г. Джарова. Я сыграл там профессора Ралева. В театре меня ждет роль Мэки-ножа в постановке «Трехгрошовой оперы» Б. Брехта.

— Армен Борисович, вы из тех актеров, кто внешне перевоплощается сравнительно мало. Вам свойственно в фильмах

и спектаклях жить внутренней жизнью героев и в то же время вносить в их духовный мир какие-то черты, свойственные лично вам. Вы словно бы не изменяетесь, и вместе с тем играете совсем разных, полярно противоположных людей. Взять хотя бы вашего Левинсона и, к примеру, Стэнли Ковальского...

— Не считайте меня принципиальным противником грима. Играя разных людей, нельзя не меняться — даже один и тот же человек непрестанно трансформируется на наших глазах. Один он на работе, совсем иной с лучшим другом, третий — с любимой женщиной... С годами меняются не только наша прическа или одежда, но прежде всего интеллект, духовный багаж — мы растем или деградируем. И все же мне кажется, что в наше время внешнее переплощение не так уж важно. Мы с актером нашего театра И. Охлуниным в «Беседах с Сократом» играем глубоких стариков, ничуть не пытаясь «кряхтеть» и вообще внешне подделаться под старость. Современный зритель ждет от актера напряжения мысли, чувств, умения ответить на какие-то важные вопросы человеческого бытия, эпохи. Каждый спектакль, фильм, вообще произведение искусства призваны быть потрясением для зрителя, вызвать у него эмоциональный взрыв. Но это происходит только, если актеры по-настоящему увлечены тем, что играют, и владеют своим (не побоюсь сказать) ремеслом. Ибо не зная до тонкостей дела своей жизни — стыдно. Беги на большие дистанции не добежит до финиша, не изучив техники бега. Так бывает с некоторыми людьми и в искусстве.

— И последний вопрос. Какая черта вам кажется наиболее неприемлемой и неприятной в людях, в том числе в ваших коллегах?

— Отсутствие чувства юмора. Я вовсе не любитель «хомячков», рассказчиков анекдотов. Но без чувства юмора, без умения видеть себя со стороны, а иногда и смеяться над собственными недостатками или неудачами, не бывает полноценной человеческой личности, нет и настоящего искусства. Герой комедии Ростана Сирано де Бержерак, когда противник попытался плоско высмеять его длинный нос, прочитал ему в ответ целую поэму о своем носе! Вот так нужно видеть себя! Тогда приходят внутренняя свобода, трезвость оценок своего и чужого мастерства, подлинный оптимизм.